

**Уральская область и Тобольский Север:
региональный аспект формирования стратегии
освоения Севера в период НЭПа**

K.I. Zubkov

**The Ural Oblast and the Tobolsk North:
Regional Aspect of Forming the Northern Development
Strategy During the Period of the New Economic Policy**

Аннотация. Статья содержит анализ разработанных специалистами Уральской области планов и проектов по развитию Тобольского Севера, присоединенного к ней в 1923 г., в рамках реализации политики районирования. В период НЭПа, когда целостная государственная стратегия освоения Севера еще только складывалась, существовали несколько ее конкурирующих вариантов (эксплуатационная, колонизационная, «туземная»). Крупные областные объединения закономерно выступали экспериментальными площадками их реализации. Как показывает опыт Уральской области, региональные подходы к освоению Севера в 1920-е гг. были отмечены как достижениями, так и просчетами. Характерные для них дилеммы нашли свое разрешение в 1930-е гг., в рамках иной – мобилизационной – стратегии социально-экономического развития Севера.

Ключевые слова: районирование, стратегия, освоение (НЭП), колонизация, Северный морской путь, Уральская область, Сибирь, Тобольский Север.

Утвердившийся в свое время в советской историографии тезис о том, что уже в первые годы после революции 1917 г. усилия советской власти по исследованию и развитию российского Севера воплощали четко оформившуюся «опреде-

¹ **Зубков Константин Иванович**, кандидат исторических наук, заведующий центром, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Россия, Екатеринбург, e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

Zubkov Konstantin Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Head of the Center, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Yekaterinburg, e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

ленную концепцию» вовлечения в хозяйственный оборот его разнообразных ресурсов [1, с. 59], следует считать большим преувеличением. Для первых лет советской власти, скорее, уместно говорить о существовавшем тогда интуитивном осознании ценности громадного, но почти не исследованного природно-ресурсного потенциала северных территорий, который предстояло в будущем соединить с единственно прогрессивным, как тогда считалось, курсом развития – индустриализацией.

Реальное же состояние вопроса об освоении Севера в начале 1920-х гг. ярко иллюстрируют материалы проведенного в Омске в августе 1923 г. межгубернского совещания, посвященного районированию запроектированной Госпланом Обской (Западно-Сибирской) области. На совещании, среди прочего, решался вопрос о судьбе Тобольского Севера, представлявшего собой крупный сегмент северных окраин советской России. Из дискуссий в ходе совещания явствовало, что Север (по крайней мере его азиатская часть), в силу своей неразвитости и невыраженности своего экономического «лица», не может представлять собой самостоятельной единицы районирования. Главный вопрос сводился к тому, к какому базовому административному образованию (область, край) должны быть присоединены тот или иной сегмент Севера для того, чтобы двинуть вперед его развитие. Подобным образом должен был решаться и вопрос об административной подчиненности Тобольского Севера.

В разгоревшемся по этому вопросу споре между Екатеринбургом и Омском (как проектируемым центром Обской области) отчетливо выявились два разных взгляда на методологию районирования. Омск, следуя установкам Госплана на построение крупных областных единиц по принципу однородности хозяйственной специализации, мыслил будущую Обскую область как единый «район сельскохозяйственного назначения», в составе которого предполагалось выделить три широтные хозяйственные зоны: южную – земледельческую; среднюю – «животноводственную» и северную – «лесоводственную и рыболовственную» (т.е. собственно Тобольский Север). Основой

связи этих трех зон должен был служить первоначально не столько общий хозяйственный интерес, сколько транспортная функция водного пути по Иртышу, по которому степные районы могли снабжаться лесом, а продукция области в целом (зерно, продукты животноводства, лес) – найти выход на экспортную магистраль Северного морского пути¹.

Представлявший на совещании Уральскую плановую комиссию Б.В. Дидковский противопоставил предложениям Омского губплана совершенно иной взгляд на лесные ресурсы Севера. Критикуя позицию Омска, он доказывал, что лесное хозяйство – это вполне самостоятельная отрасль, которая, по условиям момента, гораздо больше связана с интересами промышленности и что, с этой точки зрения, Тобольский Север «никакого отношения к южным губерниям Сибири не имеет»². Следуя давней традиции многоотраслевой организации горнозаводского хозяйства, уральское руководство настаивало на собственном видении общей схемы районирования, полагая, что в основу определения территориального состава областей и краев должны быть положены не иллюзии будущего, а текущие – уже стихийно сложившиеся по выходе из хаоса гражданской войны – связи товарообмена, реальные тенденции «хозяйственного тяготения». Исходя из этого, Уральская область должна была складываться по принципу так называемого «смешанного комбината», объединяющего горнозаводское «ядро» региона с его естественной продовольственной и сырьевой базой – аграрными уездами Зауралья и промысловыми районами Тобольского Севера [2, с. 110–111].

Более практичная и менее доктринерская позиция уральцев, безусловно, лучше учитывала обстановку НЭПа с ее приоритетами скорейшего оживления экономики (в первую очередь, мелкотоварного сектора) и повсеместной коммерциализации хозяйственных связей. Именно благодаря торгово-снабженче-

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2352. Л. 52–52об.

² Там же. Л. 55–56.

ским связям, руководству Урала удалось к моменту проведения Омского совещания расположить в пользу своего проекта органы власти большинства зауральских уездов – от Кургана до Ишима и Тобольска [З, с. 213–214].

Весомым аргументом в пользу присоединения Тобольского Севера к Уральской области служили и крепнущие производственные связи регионов. С начала XX в. быстрое истощение местных запасов топлива для нужд древесноугольной металлургии Урала поставило в повестку дня проблему расширения ее сырьевого ареала в направлении почти нетронутых, богатейших лесных массивов на реках Обского бассейна. Начало этому движению положило строительство в 1916 г. железной дороги Екатеринбург – Тавда, благодаря которой к началу 1920-х гг. возник новый лесопромышленный район с общей производительностью переугливания до 8 тыс. куб. саженей дров в год и более рациональной, чем прежде, схемой утилизации лесных материалов¹. На Омском совещании установившаяся производственная связь Урала с бассейном Тавды была признана бесспорным фактом и аргументом за оставление этого района в составе проектируемой Уральской области «в интересах сохранения лесов для промышленности». В силу давно установившихся связей с Уралом подобная перспектива намечалась и в отношении других частей Тобольского Севера (например, района Березова)².

Таким образом, сильной стороной уральских инициатив в отношении Тобольского Севера стала идея связи между необходимостью экономического и культурного подъема этого пустынного, неосвоенного края и перспективами его широкой индустриализации – прежде всего, путем постепенного втягивания его сырьевых ресурсов в производственную систему уральской промышленности. Возможно, это стало одним из решающих факторов, повлиявших на позицию Госплана (как и Москвы в целом) в вопросе включения Тобольского Севера в состав

¹ Урал: Техничко-экономический сборник. Екатеринбург, 1923. Вып. 6. С. 220.

² ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2352. Л. 55.

Уральской области. Госплану, безусловно, не могла imponировать своеобразная, противоречащая его методологии трактовка руководителями Урала самих принципов районирования. Поэтому позиция Центра была в меру осторожной. Решением ВЦИК от 3 ноября 1923 г. об образовании Уральской области Тобольский Север был включен в ее состав на временной основе – «впредь до разрешения общего вопроса о районировании Сибири»¹.

Однако эта победа Урала в территориальном споре с Сибирью не была гарантией успехов на поприще освоения Севера. По вопросу о том, как и с опорой на какую стратегию следует развивать Север, ни у Госплана, ни у региональных властей в начале 1920-х гг. не существовало ясных представлений. На Омском совещании в ходе дискуссий, со ссылками на местный опыт, в качестве возможных вариантов освоения Севера были обозначены три стратегических подхода, которые, как показали дальнейшие события, в период НЭПа в разных комбинациях применялись советской властью.

Первая стратегия, которую условно можно обозначить как «туземную», призывала смотреть на туземцев как «на единственную в северных сибирских условиях производительную силу» (поскольку, как считалось, «русские люди там на Севере не могут выдерживать жестокого климата») и исходила из того, что государство мерами экономической, правовой и культурной помощи должно лишь обеспечивать условия для того, «чтобы жители Севера постепенно вошли во владение территорией этого края», «развились до состояния деятельного человеческого элемента». Первоочередными же задачами в рамках данной политики считались спасение туземцев от физического вымирания, защита их от коммерческой эксплуатации не только частными торговцами, наводнившими с началом НЭПа Север с целью скупки пушнины, рыбы и т.п., но и государственными заготовительными организациями².

¹ Материалы по районированию Урала. М., 1923. Т. 1 [Отд. Отгиск]. С. 1.

² ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2352. Л. 68об., 69об.

Второй вариант стратегии, обозначенный участниками совещания как «ассимиляционный», предлагал сделать ставку на постепенное втягивание Севера в орбиту экономического влияния более развитых южных частей страны путем развития тесных производственных связей. Такая «ассимиляция» Севера (а, по сути, его промышленная колонизация) была сочтена, однако, очень затратным, рассчитанным на длительную перспективу и в целом нереалистичным сценарием – особенно с учетом слабой, ненадежной и сезонной транспортной связи (по рекам) между южными и северными районами.

Более быструю и крупную отдачу от вложенных средств обещал третий вариант стратегии – «эксплуатационный». В его основе лежал предельно прагматичный принцип: «Если мы не можем скоро ассимилировать Север, то мы должны его использовать». В рамках этой стратегии предполагалось в ускоренном порядке наладить извлечение высоколиквидных ресурсов северных территорий для организации торговли с границей – в частности, по Северному морскому пути. На первое место ставилось использование рыбных богатств Севера, затем – наиболее ценных сортов пушнины, а в дальнейшем – разработка наиболее ценных полезных ископаемых (платины, графита, золота). «При такой комбинации можно было бы думать, что Север постепенно стал бы охватываться торговыми и промышленными предприятиями. <...> И через это связь с Севером народится скорее, чем через инородцев или юг Сибири, не имеющих к тому же никаких материальных возможностей для освоения Сибирского Севера», – подчеркивал на Омском совещании представитель Госплана К.Н. Миротворцев¹.

Как показали итоги развития Тобольского Севера в составе Уральской области в 1920-е гг., уральское руководство имело свои приоритеты в подходе к его освоению. Хотя подъем и реконструкция промыслового хозяйства туземцев считались важными задачами – особенно в части заготовки и экспорта северной пушнины как источника валюты для нужд восстано-

¹ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2352. 69об.–70.

ления региональной экономики [4, с. 4], уральские плановики довольно скептически относились к тому, что одно только северное промысловое хозяйство может стать условием «приобщения этого края к общегосударственному хозяйству». «Пока Тобольский край будет посылать в Россию только продукты рыбных промыслов и охоты, он останется почти пустыней и в нем не возможна никакая культура»¹, – подчеркивалось в подготовленных уральскими экономистами материалах по районированию. Уральской области отчасти удалось упорядочить вопросы заготовок промысловой продукции и переломить тенденцию коммерческого ограбления туземцев за счет диспаритета цен, наладив их снабжение хлебом и самыми необходимыми материалами. Но достигалось это в основном административными мерами. Северное же промысловое хозяйство для своего восстановления требовало крупных финансовых вложений и повышения норм снабжения. Областная дотация (составлявшая треть доходной части бюджета Тобольского округа) не покрывала этих затрат. Как результат, уже в декабре 1924 г. на II Тобольском окружном съезде Советов делегатами в адрес Уралоблисполкома были высказаны прямые упреки и обвинения в том, что область, занятая восстановлением индустрии и сельского хозяйства, «не поняла экономики Тобольского Севера», «воздерживается от затрат на Тобольский округ»².

В декабре 1927 г. I Уральское областное совещание работников нацменьшинств вынуждено было констатировать, что на фоне других округов области Тобольский Север характеризовался самыми низкими, неудовлетворительными темпами восстановления хозяйства до довоенного уровня. Рыбная промышленность ни по валовой продукции, ни по доле в общерульском производстве к концу 1927 г. еще не достигла довоенного уровня. Пушные заготовки на Тобольском Севере составили лишь 71,5 % к довоенному уровню, а их доля в общих заготовках пушнины Уральской области даже снизилась – с 55

¹ Урал: Техничко-экономический сборник... С. 478.

² ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2415. Л. 77, 78, 78об.

до 38 %. К довоенному уровню приблизилось лишь оленеводство, но оно отличалось низким уровнем товарности¹.

При этих весьма скромных итогах руководства промысловым хозяйством Севера руководство области энергично действовало в одном стратегически важном, но наиболее трудном и затратном направлении – колонизационном. Исходя из потребностей уральской металлургии, уже в 1924 г. было разработано что-то вроде программы прокладки небольших железнодорожных веток (Саамский рудник – Лозьвинская пристань, Лозьвинская пристань – верховья Пелыма, Надеждинский завод – верховья Пелыма и др.), широким фронтом выходящих на сплавные реки Обского бассейна и призванных обеспечить надежное снабжение уральских заводов древесным топливом. Попутно на местах лесозаготовок предлагалось организовать образцовое лесопромышленное хозяйство, отправляя одну часть древесины на экспорт по Северному морскому пути, а другую – используя как основу развития местной промышленности (производство целлюлозы, продуктов сухой перегонки древесины)².

Даже с использованием старых транспортных схем, эта северо-восточная ориентация уральского хозяйства дала определенные результаты: сплав древесины для нужд уральских заводов по рекам Обь-Иртышского бассейна к 1925 г. составил 210 тыс. куб. саженей³. Кардинально же разрешить проблему укрепления производственных связей Урала с Тобольским Севером должно было строительство железной дороги Тавда – Тобольск (около 190 км), проект которой был включен не только в разработанный в 1927 г. «Генеральный план хозяйства Урала»⁴, но и в плановые задания первой пятилетки⁵. Дорога должна

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 308. Л. 82–83.

² Там же. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2320. Л. 46об.–47.

³ Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 577. Л. 26–27.

⁴ Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск, 1927. С. 577.

⁵ Контрольные цифры пятилетнего плана народного хозяйства и социально-культурного строительства РСФСР (1928/29–1932/33 гг.). М., 1929.

была не только способствовать освоению новых лесных массивов, но и давать выход разнообразной продукции уральского хозяйства на экспортную магистраль Северного морского пути.

Однако этим планам не суждено было сбыться. В 1931 г. уральский подход к районированию вообще и к руководству Тобольским Севером в частности, был жестко раскритикован центром, а уральский «уклон» к сохранению и развитию древесноугольной металлургии был расценен как фактор, отвлекающий руководство Уральской области и от «правильного руководства» промысловым хозяйством Севера, и от решения более насущной «Урало-Кузнецкой проблемы»¹. Эта критика подводила определенную черту под административно-экономическими экспериментами периода НЭПа, основанными на известной хозяйственной самостоятельности регионов, и знаменовала переход к новой – мобилизационной – стратегии освоения Севера.

Список литературы

1. *Славин С.В.* Освоение Севера Советского Союза. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1982. 207 с.

2. *Зубков К.И.* Начальный этап формирования советской политики освоения Севера: Уральская область и Тобольский Север в 1920-е гг. // Урало-Сибирский Север в развитии российской цивилизации: сб. науч. ст. Екатеринбург: Банк культурной информации; ИИиА УрО РАН, 2005. С. 102–118.

3. *Зубков К.И.* Между Уралом и Сибирью: Тобольский Север в фокусе межрегионального соперничества начала 1920-х гг. // Тобольск научный – 2016: мат-лы XIII Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (Тобольск, 10–11 ноября 2016 г.). Тобольск: Принт-Экспресс, 2016. С. 213–216.

4. *Бобылев Д.* Проблема внешнего рынка в связи с вопросами восстановления промышленности и народного хозяйства Урала // Экономический бюллетень Уралвнешторга. 1923. № 3. С. 3–5.

Ч. III. [Районы]. С. 103.

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 27. Л. 7.